

DOI: 10.19181/smtp.2024.6.3.5

EDN: GAVOMY

Научная статья

Research article

СТРАТЕГИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КАЧЕСТВО ДОКУМЕНТА

**Семёнов
Евгений Васильевич¹**

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Для цитирования: Семёнов Е. В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 53–62. DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

Аннотация. В статье проводится критический разбор Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации как документа. Показаны сохранение в Стратегии глобалистской идеологии развития в интересах «человечества» и «цивилизации», слабая её ориентация на проблемы и интересы России в условиях кардинальных изменений в мире после 2022 г. В Стратегии не пересмотрены вызовы и угрозы, цели и задачи, механизмы и инструменты управления научно-технологическим развитием. Стратегия имеет характер матрицы документа с обозначенными строками и столбцами, которые ещё только предстоит заполнить конкретными положениями. Документ нуждается в глубокой переработке с позиции интересов России и с учётом новых геополитических реалий.

Ключевые слова: стратегическое планирование, научно-технологическое развитие, научно-технологическая политика, управление научно-технологической сферой, большие вызовы, задачи научно-технологического развития

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE QUALITY OF THE DOCUMENT

Evgeny V. Semenov¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

For citation: Semenov E. V. Scientific and Technological Development Strategy of the Russian Federation: The quality of the document. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(3):53–62. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5.

Abstract. The article provides a critical analysis of the Scientific and Technological Development Strategy of the Russian Federation as a document. It shows the preservation of the globalist ideology of development in the interests of “humankind” and “civilization” in the Strategy, its weak orientation to the problems and interests of Russia in the context of drastic changes in the world after 2022. The Strategy does not revise the challenges and threats, goals and objectives, mechanisms and tools for managing science and technology development. The Strategy looks like a matrix of the document with designated rows and columns that have yet to be filled in with specific provisions. The document needs to be significantly revised from the perspective of Russia’s interests and with respect to new geopolitical realities.

Keywords: strategic planning, science and technology development, scientific and technological policy, management of the scientific and technological sphere, grand challenges, tasks of science and technology development

Постсоветский период российской истории изобилует всевозможными проектами в научно-технологической сфере – доктринами, концепциями, стратегиями, программами, проектами, перечнями приоритетов, дорожными картами и пр. Активность в области документооборота в этот период значительно превышает реальную деловую активность. Можно вспомнить такие оторванные от жизни проекты 1990-х гг., как «Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992–1993 годах» (1992 г.), «Доктрина развития российской науки» (1996 г.), «Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 годов» (1998 г.), и сопоставить их с реальным научно-технологическим развитием страны. Проектёрство характерно и для стратегических документов первой четверти XXI в. Показательна в этом отношении «Программа 2020» (2008 г.), авантюрно обещавшая за 12 лет – с 2008 по 2020 г. – повысить производительность труда в промышленности в 4–5 раз, превратить страну в мирового технологического лидера и т. п.

Какие-то изменения в области стратегического планирования можно усмотреть в принятии в 2014 г. Федерального закона о стратегическом планировании¹. Но закон не мог одномоментно изменить состояние дел, т. к. оно зависит от многих обстоятельств, в т. ч. от уровня профессионализма современного российского чиновничества и привлекаемых им «экспертов». И после его принятия качество документов мало изменилось, что можно сказать и о «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утверждённой Указом Президента РФ в 2016 г.² (далее – Стратегия 2016 г.), и особенно о плане реализации Стратегии. В 2021 г. в Стратегию были внесены некоторые, в основном редакционные, изменения, а в феврале 2024 г.

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172–ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 18.08.2024).

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 18.08.2024).

утверждена обновлённая версия Стратегии (далее – Стратегия 2024 г. или Документ)³, не изменившая качество документа в лучшую сторону.

Ожидания от новейших изменений в Документе были большими, т. к. условия развития страны и отечественной науки, начиная с февраля – марта 2022 г., кардинально изменились. Стратегия должна бы ответить на новые вызовы и угрозы, поставить новые и скорректировать прежние цели и задачи, предложить адекватные новым условиям и задачам механизмы и инструменты управления научно-технологической сферой, выделить актуальные приоритетные научные направления и критически важные технологии. По большому счёту ничего этого Документ не содержит. В нём произведены лишь редакционные и терминологические изменения, а также добавления, в основном, не по сути. Потенциально возможные изменения в будущем можно усмотреть лишь в упоминании о мобилизационном этапе развития, патриотическом воспитании, головных организациях и т. д.

Следует отметить некоторые особенности Стратегии как документа. Стратегия написана не на «канцелярите», а языком аналитики, она является скорее манифестом, чем программным документом, и больше годится для пропаганды, чем для организации работы. Стратегия является при этом скорее матрицей, планом-перспективой, чем готовым содержательным документом, в ней обозначено то, чем нужно бы заняться, но нет содержательного замысла кадровой, институциональной, правовой и т. д. работы. Для Документа характерна систематичность, а не системность подхода; нет целого (набор задач, а не дерево целей; бессистемный набор разнородных и разноуровневых принципов, а не система принципов; разнородный набор направлений и т. д.). Стратегия состоит из тематических блоков (словарь, основные вызовы, принципы политики, задачи и т. д.). При этом каждый блок представляет собой перечень не связанных друг с другом положений – перечень разрозненных вызовов, разрозненных задач, разрозненных принципов и т. д., а сами блоки, говоря чиновничьим языком, не «бьются», т. е. вызовы сами по себе, задачи сами по себе, принципы сами по себе и т. д. Документ следует оценить как переходный и промежуточный.

Словарь («основные понятия»). Наличие словаря придаёт Документу вид основательности, но, как и другие разделы, он существует сам по себе, в отрыве от всего остального. Словарь не представляет необходимую для Документа целостную понятийную систему. Основные смысловые блоки Стратегии, включая большие вызовы, цель и задачи, приоритетные направления и т. д., обходятся без терминологии словаря. В редакции Стратегии 2016 г. словарь включал пять терминов, которые не объединялись в понятийную систему, охватывающую отображаемый ими объект, а просто сосуществовали в одном списке. И термины эти в слабой степени отражали реальное содержание Документа. В редакции Стратегии 2024 г. к прежним пяти терминам добавилось ещё шесть. Связи между понятиями от этого не стали яснее, но содержание оказалось несколько более полно отражённым в наборе понятий. Можно было бы ожидать, что терминология отразит произошедшие с

³ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 18.08.2024).

2022 г. изменения, но этого не произошло. Словарь пополнен не в результате осмысления перемен, а просто как завершение ранее недоделанной работы, мало связанной с реальными процессами, ради учёта которых, собственно, и нужна новая редакция Документа. Даже те немногие реальные изменения, которые в какой-то степени можно оценить, как реакцию на происходящие в стране и мире процессы, такие как упоминание мобилизационного этапа, словарём не замечены.

Исходные пять понятий Документа – это «научно-технологическое развитие Российской Федерации», «большие вызовы», «приоритеты научно-технологического развития», «независимость государства» и «конкурентоспособность государства». В редакции 2024 г. в двух последних понятиях исчезло слово «государство», остались просто чьи-то «независимость» и «конкурентоспособность», а первое понятие из этого списка употребляется как со словами «Российской Федерации», так и без них. Дополнительные шесть понятий в редакции 2024 г. – это «научоёмкая продукция», «научоёмкие технологии», «квалифицированный заказчик», «технологический суверенитет» (= «суверенитет Российской Федерации в технологической сфере»), «важнейший инновационный проект государственного значения» и «федеральная научно-техническая программа». Даже после расширения словарь весьма неполно отражает содержание Документа. В Стратегии используются и другие важные понятия, не включённые в словарь, например, «гибридные внешние угрозы национальной безопасности», «внутренние угрозы национальной безопасности», «мобилизационный этап», «головная организация» и т. д.

Весь этот набор «основных понятий», в т. ч. смысл произведённых и непроизведённых изменений, вызывает больше вопросов, чем даёт ответов. Какой смысл заложен, например, в замену «независимости государства» и «конкурентоспособности государства» (2016 г.) на «независимость» и «конкурентоспособность» (2024 г.)? Как соотносятся «независимость» и «технологический суверенитет» в редакции 2024 г.? Замечу, что в первоначальном проекте февральского (2024 г.) Указа Президента были приведены предлагаемые изменения в тексте Стратегии⁴. Всего 17 пунктов. В четырёх из них производится замена слова «независимость» на слово «суверенитет» или словосочетание «технологический суверенитет», хотя в самом тексте используются все эти термины. Видимо, составителю Документа эти терминологические изменения представляются имеющими смысл.

К составителю словаря есть и вопросы о том, понимает ли он сам смысл того, что написал? Так, в Стратегии 2024 г. первое понятие определяется следующим образом: «научно-технологическое развитие Российской Федерации (далее – научно-технологическое развитие) – трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы». Наука и технологии – это реально существующие системы, а «ключевой фактор» – это функция, роль. Система может трансформироваться из одного своего состояния в другое, система

⁴ Проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённую Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://m.minobrнауки.gov.ru/upload/iblock/dfe/g2rrrgiuktv9hr8xlu7x37k001a0l5ku.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).

может выполнять какую-то функцию, играть какую-то роль, быть фактором развития, но она не может трансформироваться в функцию, роль или фактор.

Большие вызовы. Стратегия 2016 г. выделяет семь больших вызовов, в Стратегии 2024 г. их восемь. При этом шесть из первоначальных семи вызовов повторены в обновлённой Стратегии, а один разделён на два, что и дало их увеличение до восьми. Вызовы занимают в Стратегии в редакциях 2016 и 2024 гг. центральное место, т. к. развитие страны понимается как реакция на внешние вызовы, а не как самостоятельное поступательное развитие на основе внутренней логики и собственных целей. Словосочетание «внутренние вызовы» тоже употребляется, но они, в отличие от внешних вызовов, даже не перечисляются, хотя в разных частях документа упоминаются разные проблемы, которые могли бы быть осмыслены в логике Документа как вызовы. Большие вызовы формулируются в Стратегии 2016 г. как глобальные вызовы для «человечества» и «цивилизации» без специфики их действия применительно к России. С этой точки зрения весь блок «большие вызовы» представляет собой некоторую заготовку, не доделанную применительно к научно-технологическому развитию России вообще и тем более в современных условиях. В глобалистской по духу Стратегии 2016 г. (п. 14) говорится: «При этом наука и технологии являются одним из инструментов для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке рисков и возможных опасностей для человечества». Из этого видно, что акцент делается на цивилизации и человечестве, а не на стране.

Идеология Стратегии 2024 г. формально несколько изменилась. В редакции Стратегии 2024 г. данная часть п. 14 при сохранении конструкции фразы изложена иначе. Сказано: «При этом российские наука и технологии являются ключевым инструментом для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении национальных интересов, но и в решении глобальных проблем человечества». Из этого видно, что Документ заговорил о «российских» науке и технологиях и о «национальных интересах». Составители Документа на этот раз учли, что пишут не аналитическую записку о стратегии развития человечества. Но не следует переоценивать глубину переосмысления самих вызовов с этих позиций. В основном имеет место весьма поверхностная вербальная корректировка текста, а не углубление понимания сути проблем, с которыми сталкивается в своём развитии Россия сейчас. Большие вызовы как были сформулированы по сути применительно к «цивилизации» и «человечеству», так в основном и остались без их преломления применительно к России. Пункты об энергетике и освоении пространства (включая мировой океан, космос и др.) остались без изменений, хотя санкционная агрессия коалиции западных стран против России кардинально изменила условия развития страны. Пункт о демографическом вызове остался в прежней глобалистской формулировке. Из него лишь убрали слова о пандемиях. Неизменными остались формулировки вызовов антропогенной нагрузки на окружающую среду и продовольственной безопасности/независимости. В первую из них добавили слова об изменении климата, а во вторую – о развитии «на фоне глобального продовольственного кризиса». В пункте об исчер-

пани возможности экстенсивного развития слова о цифровой экономике заменены словами об экономике данных и искусственном интеллекте.

Вся эта редакторская шлифовка текста и терминологические изыски не приблизили Документ к выявлению того, как глобальные вызовы преломляются именно для России и именно в меняющихся исторических условиях. России прямо касается лишь пункт о «внешних угрозах национальной безопасности» и «усилении их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности» (пп. «е» п. 15 в Стратегии 2016 г.), преобразованный в два самостоятельных пункта (пп. «а» п. 15 и пп. «ж» п. 15 в Стратегии 2024 г.), в которых сказано о «трансформации миропорядка» и «гибридных внешних угрозах». Слова о «внутренних угрозах» ни в редакции 2016 г., ни в обновлённой редакции 2024 г. не получили в Документе никакого развития. Неясно также, как Стратегия предлагает реагировать на большие вызовы, каким должен быть подход к решению проблем. Приводятся лишь общие слова, мало изменившиеся со времен партийных съездов КПСС, о «ключевой роли» фундаментальной науки, о «научном обосновании мер», о «стратегическом целеполагании, планировании и прогнозировании научно-технологического развития» (п. 17–19 Стратегии 2024 г.). Такие общие слова больше годятся для пропаганды, чем для реальной работы.

По глубине проработки и продуманности рассматриваемая Стратегия, даже в её обновлённой редакции 2024 г., разительно отличается в худшую сторону от «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», утверждённой Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208⁵, в которой чётко и конкретно сформулированы 25 «вызовов и угроз», большинство из которых относятся в том числе к сфере науки и технологий. Для преодоления этих вызовов и угроз поставлены шесть целей и выделены восемь направлений государственной политики, по каждому из которых сформулированы конкретные задачи (всего 74).

Цель и задачи. Стратегия 2024 г. сохраняет по сути в прежнем виде формулировку цели и пяти задач, содержащихся в редакции 2016 г. Смысл и польза от незначительных изменений редакционного характера неочевидны. Так, из названия раздела о цели и задачах научно-технологического развития, а также из формулировки цели этого развития в тексте исчезли слова о Российской Федерации. Теперь это просто чья-то цель, а не цель именно Российской Федерации. Стал ли Документ от этого лучше? Цель в Стратегии 2016 г. (п. 28) сформулирована лаконично: «Целью научно-технологического развития Российской Федерации является обеспечение независимости и конкурентоспособности страны...» При этом указывается, что цель достигается «за счёт создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации». Вторая часть этой формулировки сохранена неизменной в редакции Документа 2024 г. (только слова «за счёт создания» заменены на «путём создания»). А первая часть – формулировка собственно цели – существенно расширена. В Стратегии 2024 г. (п. 23) говорится: «Целью научно-технологического развития яв-

⁵ Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 19.08.2024).

ляется обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов...» Чёткая и однозначная формулировка цели в Стратегии 2016 г. заменена в Стратегии 2024 г. на перечисление трёх то ли разных целей, то ли уточнений цели, то ли её конкретизаций. Это только размывает цель и добавляет двусмысленности в документ стратегического планирования, хотя в данном Документе неоднозначности, неконкретности и двусмысленности и без этого уже достаточно. Даже словосочетание «обеспечение независимости и конкурентоспособности» можно понимать и как достижение этих желанных целей в будущем, и как поддержание уже достигнутого. Следует отметить и то, что в новой редакции Документа в формулировке цели «страна» заменена на «государство». Этот дрейф от идеологии патриотизма к идеологии этатизма заметен и в других частях Стратегии 2024 г.

Пять задач в обеих редакциях Документа являются условиями достижения цели Стратегии. Задачи относятся к важным аспектам научно-технологического развития страны – к связи науки и сфер практики, научной и инновационной инфраструктуре, воспроизводству человеческих ресурсов научно-технологической сферы, системе управления научно-технологическим развитием, международному сотрудничеству. Но формулируются задачи крайне неконкретно и неконструктивно. В управленческой среде такие формулировки называются «хотелками». Для примера приведём первую из задач Стратегии 2024 г. (пп. «а» п. 24), которая гласит: «а) сформировать эффективную систему взаимодействия науки, технологий и производства, обеспечив повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, создав условия для развития наукоемкого предпринимательства...» Формулировка задачи внешне выглядит как убедительная конструкция: инновационную систему создать за счёт повышения восприимчивости к инновациям посредством создания условий для высокотехнологического предпринимательства. Но остаётся полной загадкой, что это за эффективная система, чем она характеризуется, как повысить восприимчивость экономики и общества к технологиям, что за условия для этого предполагается создать и как это сделать. Обычное пустословие вместо конкретно поставленной задачи или группы задач. Буквально то же самое можно сказать и о каждой другой из оставшихся четырёх задач. Не удивительно, что при такой неопределённой постановке задач их решение превращается в вечный процесс.

Все задачи в обеих редакциях Документа сформулированы в модальности «сформировать», «создать» и «способствовать формированию». За прошедшие восемь лет – с 2016 по 2024 г. – задачи нисколько не изменились. Ничего не создано и не сформировано, как и восемь лет назад это ещё только предстоит сделать. Впрочем, все эти задачи и именно в таких же формулировках ставятся в документах уже четверть текущего сквозь пальцы столетия. И совершенно в таком же виде эти задачи ставились на «историческом» Пленуме ЦК КПСС 1987 г., посвящённом «научно-техническому прогрессу» страны, а ранее в обязательном порядке присутствовали в материалах партийных съездов 1970–1980-х гг. К сожалению, и в Стратегии 2024 г. сохраняется этот ритуальный характер разговоров о научно-технологическом развитии страны.

Прожекты и реальная жизнь. Стратегия образца 2016 г. слабо замечала реальное состояние российской сферы науки и технологий. Лишь как-то застенчиво упоминалось, например, о проблеме отставания в научно-технологическом, экономическом и общем развитии страны. Говорилось (п. 12), что «негативные факторы и тенденции создают риски отставания России от стран – мировых технологических лидеров...» Так отставание или только риски отставания? Отечественное машиностроение, станкостроение, авиа- и автопром, надо полагать, сейчас в хорошем состоянии, но есть риски их отставания в будущем? Слова о «рисках отставания» повторены и в Стратегии 2024 г. (п. 12). С таким уровнем объективности в оценке реального состояния дел существуют риски не отставания, которое уже состоялось, а чего-то более угрожающего. О технологическом отставании страны в связи со Стратегией 2016 г., о необходимости реформирования научно-технологической сферы и системы управления сферой НИОКР исследователи уже убедительно писали [1]. Очевидно, придётся писать то же самое и о Стратегии 2024 г.

В Стратегии 2016 г. (пп. «а» п. 10) выделяются два этапа государственной «научно-технической политики» в постсоветский период – с 1991 по 2001 г. и «с начала 2000-х годов и по настоящее время». Первый этап характеризуется как «этап кризисной оптимизации и адаптации к рыночной экономике, основной стратегической целью которого было сохранение научно-технологического потенциала страны, формирование новых институциональных механизмов поддержки развития науки и технологий, адресное финансирование ведущих научных организаций, создание условий для международной кооперации...» Эта лестная для государственной политики характеристика первого этапа без каких-либо изменений воспроизведена в Стратегии 2024 (пп. «а» п. 10). Характеристика второго этапа – в редакции Документа 2024 г.: 2002–2021 гг. – значительно расширена, а его оценка даётся в тональности достижений и успехов. В Стратегии 2016 г. (пп. «б» п. 10) лаконично сказано, что второй этап – «этап перехода России к инновационной экономике, который сопровождался существенным увеличением объёма финансирования науки». В Стратегии 2024 г. (пп. «б» п. 10) уточнено, что это не «переход» к инновационной экономике, а переход к её «созданию», а вслед за словами об увеличении объёмов финансирования науки подробно перечислены другие государственные меры поддержки. Можно сказать, что первый этап характеризуется как «сохранение» потенциала науки, а второй – как его успешное развитие. Такая оценка второго этапа слишком комплементарна по отношению к научно-технологической политике. Достаточно вспомнить о ликвидации на этом этапе РФФИ и РГНФ – тех самых «новых институциональных механизмов», которые были созданы на первом этапе, о спорном отделении институтов РАН от РАН, о подчинении науки целям достижения набора наукометрических показателей публикационной активности, ориентирующих науку на производство отчётных показателей в ущерб производству знаний, компетенций и технологий, о чём уже второе десятилетие пишут учёные, в т. ч. и в последнее время [2; 3].

Стратегия 2024 г. (пп. «в» п. 10) выделила третий этап («с 2022 г. по настоящее время») – «этап мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления, сопровождающийся

консолидацией общества и хозяйствующих субъектов для решения задач научно-технологического развития». Из Документа трудно понять, в чём состоит «мобилизационное развитие». Вероятно, в какой-то последующей редакции Стратегии произойдёт существенная корректировка Документа в сторону реализма оценок научно-технологического развития страны в постсоветский период.

Выводы. Стратегия в редакциях 2016 и 2024 гг. является скорее матрицей документа, чем готовым документом, в ней обозначены строки и столбцы, но они не заполнены конкретным содержанием – формулировкой внешних и внутренних вызовов и угроз для России и её научно-технологического развития в кардинально изменившихся условиях развития, формулировкой конкретных целей и задач именно для переживаемого Россией этапа развития, указанием способов решения стоящих перед Россией проблем, характеристик предлагаемых для этого механизмов и инструментов, определением необходимых для этого субъектов и ресурсов. Стратегия в редакции 2024 г. сохранила множество рудиментов прежней глобалистской редакции, по-прежнему слабо приближена к России и современной исторической ситуации.

Назначение данного Документа – быть «основой» для программ и проектов в области научно-технологического развития страны, отраслей и регионов. «Основа» – что это? Это исходные посылки, которые должны быть развёрнуты и конкретизированы, и это – рамка, отсекающая инородное, противоречащее исходному замыслу. Но целостного-то замысла в Стратегии и нет. Исходя из эклектического набора вызовов, принципов, задач, направлений, которые не объединены в системы вызовов, принципов, задач, направлений и не связаны друг с другом, можно обосновать практически любой вектор развития. Можно объявить соответствующими «основе» практически любые кадровую политику, организационные решения, правовой режим. Стратегия не задаёт системного видения научно-технологического развития страны и обязывающей рамки для документов более низкого порядка. Это сплошная двусмысленность, годная только для ручного управления, которое по сути своей ситуативно и не предполагает упоминаемого в Документе научного обоснования мер.

Стратегия из-за её неконкретности и неоднозначности мало пригодна для того, чтобы служить основой всего пакета документов в области научно-технологической политики и управления научно-технологическим развитием страны, ей практически невозможно пользоваться при подготовке документов более низкого порядка. В своём настоящем виде Стратегия представляет собой полуфабрикат, заготовку документа и, вероятно, является продуктом переходного времени, переживаемого страной, находящейся на исторической развилке, когда вектор развития ещё не вполне определился и страна ситуативно выживает.

Отсутствие в Стратегии сценарного подхода, обычного для многих современных документов хотя бы в виде базового, оптимистического и пессимистического сценариев, вероятно, объясняется тем, что, по логике сохранившегося в Документе глобалистского подхода, в качестве пессимистического сценария может рассматриваться только изоляция страны, а в качестве оп-

тимистического – возвращение к состоянию до 2022 г. В будущем при более глубоком переосмыслении стратегии научно-технологического развития страны с позиций, отличных от прежнего глобализма, в Документе, вероятно, будут выделены сценарии развития, а базовый сценарий будет проработан с той глубиной и конкретностью, которую сейчас можно видеть, например, в Стратегии экономической безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комков Н. И. Анализ и оценка перспектив реализации Стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5 (176). С. 73–87. EDN SCVJGO.
2. Вальтман Л., Кочетков Д. Ответственный подход к оценке научно-исследовательской деятельности // НГ-Наука. 2024. 14 февраля. С. 12–13.
3. Боркин Л. Я., Сайфитдинова А. Ф. Наукометрия, оценка научной деятельности учёных и научная политика в России // Биосфера. 2024. Т. 16, № 1. С. 103–143. DOI 10.24855/biosfera.v16i1.906. EDN VSTUSQ.

REFERENCES

1. Komkov N. I. Analysis and assessment of the prospects for the implementation of the scientific and technological development strategy of Russia. *Studies on Russian Economic Development=Problemy prognozirovaniya*. 2019;(5):73–87. (In Russ.).
2. Waltman L., Kochetkov D. A responsible approach to the evaluation of research activities [Otvetstvennyi podkhod k otsenke nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti]. *NG-Nauka*. 2024. February 14. P. 12–13. (In Russ.).
3. Borkin L. J., Saifitdinova A. F. Scientometrics, assessment of scientific activities of scientists, and science policy in Russia. *Biosfera*. 2024;16(1):103–143. (In Russ.). DOI 10.24855/biosfera.v16i1.906.

Поступила в редакцию / Received 31.07.2024.

Одобрена после рецензирования / Revised 20.08.2024.

Принята к публикации / Accepted 30.08.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семёнов Евгений Васильевич *eugen.semenov@inbox.ru*

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

SPIN-код: 5985-6460

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Semenov *eugen.semenov@inbox.ru*

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8159-9163

Scopus Author ID: 57280831500

Web of Science ResearcherID: JZE-4658-2024